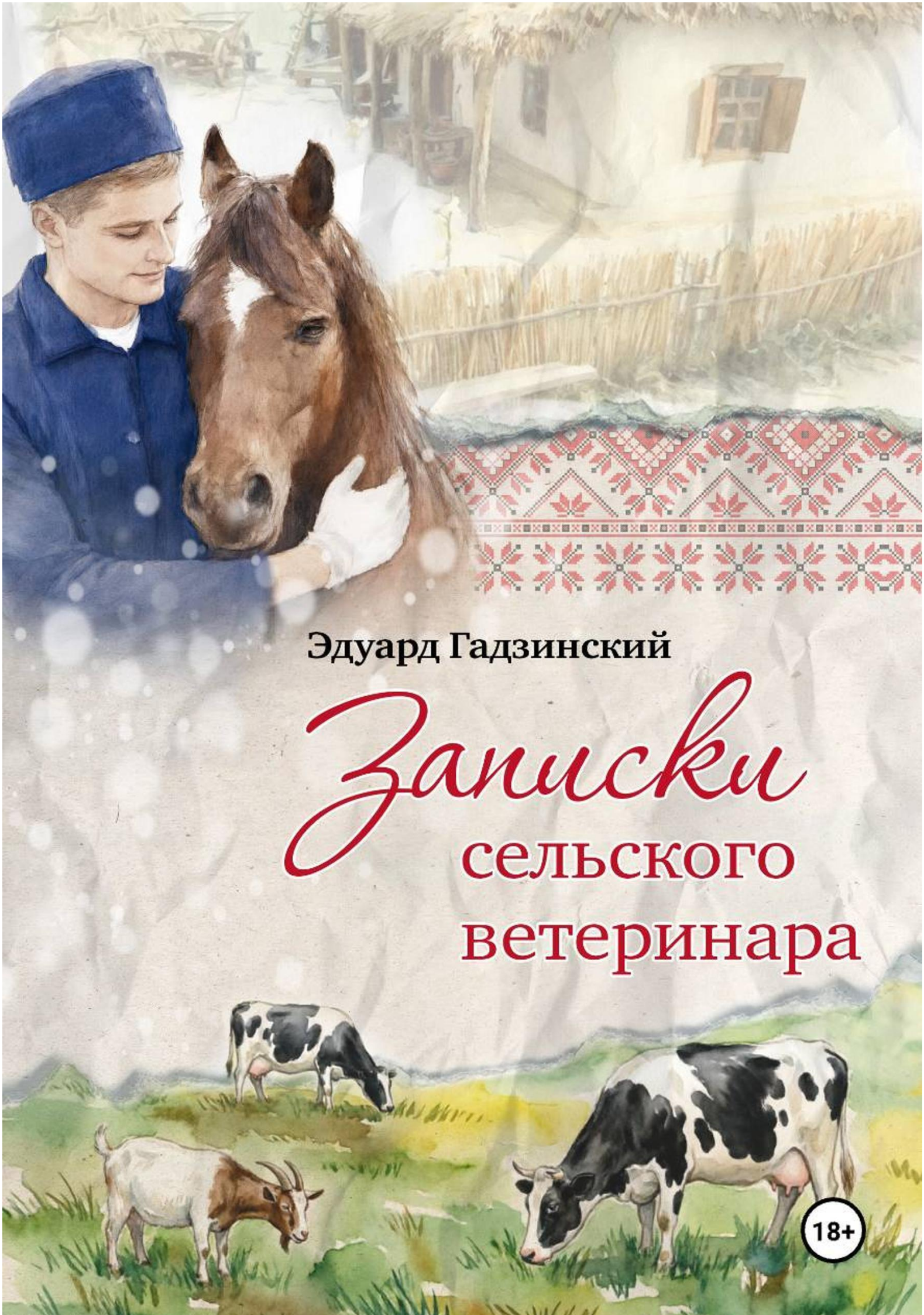

Эдуард Гадзинский

Записки сельского ветеринара

18+

Эдуард Гадзинский

Записки сельского ветеринара

«Автор»
2026

Гадзинский Э. П.

Записки сельского ветеринара / Э. П. Гадзинский — «Автор», 2026

Все истории происходят в начале девяностых годов двадцатого века в Цимлянском районе Ростовской области. В глухой казачий хутор Тихий приезжает работать молодой ветеринарный фельдшер Сергей и погружается в совершенно незнакомый ему мир. Сергей всю жизнь прожил на Крайнем Севере, там же окончил Зооветеринарный техникум, и, приехав в казачий хутор, с удивлением наблюдает за живущими там самыми разными людьми с их старинным укладом и традициями. Молодой специалист знакомится с закрытым миром цыган, с их жизнью и обычаями. Сергей работает в колхозе, но ему приходится лечить животных в частных хозяйствах самых разных людей. На его глазах происходит развал колхоза, и он уходит работать участковым ветфельдшером в соседнюю, более цивилизованную станицу, где у него появляются новые знакомства и случаются новые истории.

© Гадзинский Э. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

О том, как я стал ветеринаром 5
Зоопарк 6
МТФ№2 8
Муська 12
Баба Тамара 15
Витька Зелёный и дед Кудряш 18
Пашинины 20
Бирюки 22
Рыжий и Сонька 24
Гриня 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Эдуард Гадзинский
Записки сельского ветеринара

О том, как я стал ветеринаром

Стать ветеринаром я твёрдо решил, когда мне было одиннадцать лет. В четвёртом классе я случайно увидел в школьной библиотеке брошюру, в которой рассказывалось о ветеринарии. На обложке были изображены врачи в белых халатах склонившиеся над сидящей на хирургическом столе собакой с грустной, поникшей мордочкой. Я прочёл брошюру и сразу решил, что это именно то, что мне подходит. С тех пор я даже не рассматривал другие профессии. Жили мы тогда на Крайнем Севере, на Ямале, в молодом, быстро растущем городе Надым, где кроме кошек, собак, и бродящих по помойкам песцов с лисами, никаких других животных не водилось. Коров, свиней, лошадей и прочих сельскохозяйственных животных я мог видеть только во время летних каникул, когда родители вывозили меня на большую землю.

В семейном общежитии, где мы с родителями жили, по правилам проживания категорически запрещалось держать домашних животных, но это не мешало мне тащить домой с улицы бродячих собак и кошек, с которыми я возился часами, забыв про всё на свете. Родители меня за это не ругали, и соглашались оставить животное жить у нас, но пока я спал мои питомцы каждый раз куда-то «убегали». Я очень из-за этого расстраивался, а мама меня успокаивала, обещая, что скоро мы получим квартиру и сразу же заведём кошку или собаку, которая больше никуда от нас убежит.

Учился я плохо. Очень плохо. Мне было совершенно не интересно ходить в школу, сидеть на уроках и выполнять домашние задания. Два предмета, которые мне хоть как-то нравились, и по которым у меня иногда были четвёрки и даже пятёрки – это литература и история. Я очень любил читать, читал много, на разные темы, и на этих двух предметах всегда мог что-то ответить. С остальными науками была просто беда, и тройки мне «натягивали» с великим трудом. Поэтому, когда в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году я кое-как и наконец-то окончил восьмой класс, родители хотели отдать мои документы в Надымское профессионально-техническое училище на слесаря КИПиА. Профессия эта на Крайнем Севере востребованная и денежная, но у меня были другие планы. Я знал, что с моими способностями сельскохозяйственный институт мне не светит, и остановил свой выбор на ближайшем Зооветеринарном техникуме, который находился в городе Салехард и куда брали без вступительных экзаменов. До этого времени родители всерьёз не воспринимали моё намерение стать ветеринаром и не обращали внимания на довольно внушительную библиотеку по ветеринарии, которую я собирал с четвёртого класса. Мой категорический отказ идти в надымское училище и твёрдое намерение поступить в ЗВТ оказалось для них настоящим сюрпризом. Споры были долгие, но мой классный руководитель Мария Васильевна встала на мою сторону и посоветовала родителям принять моё решение. Я собрал весь пакет документов, прошёл медицинскую комиссию, и двадцать пятого августа тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года мы с мамой прилетели в Салехард.

Зоопарк

Салехардский Зооветеринарный техникум, именуемый в молодёжной среде – «Зоопарк», готовил ветеринарных фельдшеров и зоотехников для работы преимущественно на Крайнем Севере, и помимо двух коровников и свинарника, которые имелись в городе, мы проходили практику на зверофермах, пунктах заготовки пушнины и принимали участие в заготовке мяса северного оленя. При техникуме также имелся питомник подопытных животных, на которых практиковались студенты. Учили нас преподаватели высочайшего уровня, и в те времена никому даже в голову не приходило, что экзамены и зачёты можно покупать. Мы честно зубрили, сдавали экзамены, закрывали «хвосты», отрабатывали практики и приходили на производства с достаточной для начала трудовой жизни базой знаний и навыков. В техникуме я понял, что лечить кошечек и собачек дело малооплачиваемое и больше подходит для женщин, а мужчине нужно работать на молочно – товарных фермах, в свиноводческих и овцеводческих хозяйствах. Но профессия мне нравилась по-прежнему, и я был к этому готов.

После окончания техникума в тысяча девятьсот девяносто первом году я ушёл на два года в армию, а когда в мае девяносто третьего вернулся, в стране уже полным ходом строился дикий капитализм. С работой по полученной профессии на севере теперь было трудно, потому что зверофермы, коровники и свинарники закрывались одна за другой. Ни времени, ни денег на отдых у меня не было, и я уехал искать счастья в Ростовскую область, где в Волгодонске жила моя родная тётка. Колхозов и совхозов в тех краях тогда ещё было в изобилии и для ветеринарных врачей и фельдшеров работы было предостаточно.

Мои тётя Юля и дядя Володя, люди добрые и хлебосольные, встретили меня радушно и всё уговаривали немного отдохнуть, прежде чем погрузиться в увлекательный, неведомый мне мир сельского хозяйства, но я был решительно настроен на работу. Мы с дядюшкой сели на его старенький мотоцикл Урал и поехали объезжать близлежащие колхозы и совхозы в поисках работы.

Ветеринарные фельдшера и врачи требовались во многих хозяйствах, но почти нигде уже не могли предоставить молодому специалисту отдельное жильё. Народ в городах уже начал чувствовать на своей шкуре острые зубы наступающего капитализма и самые умные принялись быстро переезжать из городов сначала в самые благоустроенные, а потом уже и более отдалённые станицы и хутора, где имея огородик, десяток курей, и поросёнка с коровкой выжить в наступающем смутном времени было гораздо легче. В городах уже начинались задержки зарплат и сокращения рабочего персонала предприятий, а в сельской местности работы ещё было достаточно: работали фермы, птицефабрики, тракторные бригады, в магазинах, школах, больницах, были вакантные места, но с каждым месяцем этих вакантных мест становилось всё меньше. Хорошие колхозные дома были уже заняты, дома поплоше тоже. Кое-где оставались ещё свободными дома на двух хозяев и стоящие, пока что, на балансе колхозов развалюхи, но и их число быстро сокращалось.

Наконец, пятым местом моих поисков была станица Лозная Цимлянского района Ростовской области, где находилась контора колхоза «Завет Ильича». Колхоз был богатый. В него входили три молочно-товарные фермы, два свинарника, большая овцеводческая ферма и несколько тракторных бригад. Главный ветеринарный врач Паньков Николай Михайлович встретил меня с распростёртыми объятиями и сообщил, что на МТФ№2[1], которая располагалось в двадцати километрах от станицы Лозной, срочно требуется ветфельдшер. Там же для меня имеется и вполне приличное отдельное жильё. Мы сели на его служебный УАЗик и поехали смотреть моё будущее место работы.

[1] МТФ — молочно-товарная ферма.

Оказалось, что ферма, где мне предстояло работать, стоит в живописном месте на краю Лозновского заказника. Мы ехали по просёлочной дороге через красивейшие сосновые леса, дикие абрикосовые рощи, поросшие разнотравьем балки, и, наконец, на возвышенности показались маленький хуторок, в котором было не больше двух десятков домов. Чуть дальше виднелись длинные строения коровников и бетонные ограждения силосных ям. А в стороне между деревьями поблёскивала узкая лента реки. Я был так очарован красотой этого места, что ещё не видя, ни своего места работы, ни дома, в котором мне предстоит жить, уже решил, что останусь здесь навсегда.

МТФ№2

Хутор назывался Тихий. В нём было шестнадцать дворов, и единственной его достопримечательностью был магазин, размещавшийся в деревянном здании довоенной постройки с красивым резным крыльцом и ажурными наличниками. Всё взрослое население Тихого работало на ферме. Дети ходили в школу в ближайших хутор Сосновка, до которого нужно было идти пешком два километра по хорошей асфальтированной дороге. В Сосновке проживало около тысячи человек. Там была школа, магазины, автозаправка, фельдшерский пункт, большой новый клуб, в котором по выходным проходили дискотеки и дважды в неделю показывали кино. На окраине хутора располагалась база лесного хозяйства с пилорамой и мастерскими. Словом – цивилизация.

Моё новое жильё представляло собой одну комнату с просторной кухней и отдельным входом в большом доме на четыре хозяина. Когда-то в этом здании, построенном из ракушечника, располагалась колхозная контора. Потом ближе к ферме выстроили новое здание из кирпича, а старое разделили перегородками и отдали колхозникам для постоянного проживания. Моими соседями были потомственный казак Володя Пашинин с женой Юлией и маленькой дочкой, цыган Володя Шпатов с женой Анной и двумя маленькими сыновьями, и пенсионерка бабка Тамара с тридцатилетней дочерью Галей и шестилетним внуком. Оба Володи работали в колхозе пастухами и держали своё хозяйство. Бабка Тамара была самой известной в округе пьяницей. Её дочка Галя и внук Мишка были от рождения умственно неполноценными. Баба Тамара получала пенсию и пособия за дочь и внука, и беспробудно пила вместе с дочерью, доставляя немало хлопот не только соседям, но и хуторянам Тихого и даже Сосновки.

Наш дом стоял на берегу реки Кумшак особняком от остальных домов, и свободной земли вокруг было много. У каждого из четырёх жильцов был огорожен большой участок для хозяйственных нужд. У Пашинина и Шпатова были выстроены большие сараи для скота, вместительные сеновалы и добротные курятники. У бабки Тамары был только небольшой сарай, в котором давно уже ничего кроме пустых бутылок не водилось, да пара вечно голодных кошек.

До меня в моём жилище проживала пожилая пара таких же пьяниц как бабка Тамара, но недавно старик умер и бабку забрали к себе какие-то родственники. Двойные рамы с облупившейся краской за отсутствием половины стёкол были забиты целлофановой плёнкой, вся мебель была поломана и никуда не годная, полы давно не крашены, побелка с печки облезла. В моём дворе росло несколько яблонь с вишнями, имелся вполне пригодный погреб, только без полок. За то туалет был недавнего строения с глубокой ямой. Общее впечатление от всего этого у меня поначалу было не очень радостное, но на следующий день со складов привезли стёкла, доски, краску, известь, приехали рабочие, и в три дня привели в порядок моё жильё. Из тракторной бригады мне привезли большую железную кровать с новым матрасом и подушкой, и кое-какую посуду. На полученные восемьдесят рублей подъёмных я купил в Сосновке два комплекта постельного белья, полотенца, шторки на окна, тазы с вёдрами, электрическую плитку и разную мелочёвку, без которой в хозяйстве не обойтись. И начались мои трудовые будни.

Всем на МТФ№2 заправлял бригадир Николай Митрофанович Дуб – пятидесятилетний щуплый дядька маленького роста, выглядевший гораздо старше своих лет. Когда-то он работал здесь скотником и был первым алкоголиком на хуторе. Часто возвращаясь с ночной смены в изрядном подпитии он материл на чём свет стоит всех встречных доярок шедших на утреннюю дойку и показывал им голый зад. Но лет семь назад он по пьяному делу перевернулся на мотоцикле, пролежал почти месяц в коме и после этого стал другим человеком: бросил пить, взялся за ум, и со временем за усердие и трезвое поведение был назначен бригадиром. Старые колхозники его слушались, но всерьёз особенно не воспринимали. Все его называли просто

Митрофаныч. Его жена – Дуб Нина Семёновна была тех же лет что и муж, выше его на голову, плотного телосложения с суровым характером и отменным здоровьем. Когда она на кого-то повышала голос, её, наверное, было слышно даже в Сосновке. Работала она учётчиком. Супругам работать на руководящих должностях не полагалось, но кроме неё эту работу никто из хуторских баб не потянул бы, потому что Нина Семёновна была женщина боевая, ответственная, и совсем не употребляла спиртного. Вообще, на МТФ№2 из-за удалённости многое было не так как на других фермах, но надои на «двойке» всегда были высокие, откормочный скот давал рекордные привесы, и колхозное правление закрывало глаза на некоторые нарушения.

К моему удивлению, в местный коллектив я влился легко, и скоро чувствовал себя так, как будто прожил много лет среди этих людей. Тогда я часто вспоминал, как в детстве, во время летних каникул мы отдыхали у родственников в селе Сингури Житомирской области. В селе, где мы гостили, жил старый дед по прозвищу «Кацап». Кацап – это пренебрежительное прозвище, которым на Украине называют русских, но тот дед совсем не казался русским и говорил на украинском языке чисто. Расспросив о старике, я узнал, что его родители в самом деле были русскими и приехали жить в Сингури, когда деду было лет пять. Старик был добрый и всю свою долгую жизнь прожил в этом селе, но для местных жителей он не стал своим. Он так и остался для них кацапом, и местная детвора частенько дразнила его неприятными стишками про кацапов. Прожив ещё какое-то время в Ростовской области, и пообщавшись с людьми, я понял, почему меня так легко приняли хуторяне. Спокон веков на Дон бежали люди из самых разных уголков России. В основной массе это были беглые крепостные, беглые каторжники, и просто рисковые люди, жаждущие воли и приключений. Главнейшим правилом казачьей вольницы было: «С Дону выдачи нет». На территории Донского войска мог селиться любой, жить по местным законам и рассчитывать на защиту. С тех давних времён и до наших дней на Дону принимают всех, и относятся к тебе так, как ты этого заслуживаешь. А ещё, здесь все обращаются к знакомым и родственникам на «ты». Даже молодёжь к взрослым людям и старикам. И это не от бескультурья, а просто потому, что считают тебя своим, близким. «Вы» говорят только незнакомым людям старше себя и ещё высокому начальству, - потому что они тоже чужие.

В первый рабочий день, перед вечерней дойкой, Митрофаныч представил меня всему коллективу. От доярок я выслушал кучу шуток и вопросов о моём возрасте и семейном положении, от пастухов, скотников и трактористов был только один вопрос – пью ли я самогон. Получив ответы на свои вопросы, все разошлись по рабочим местам.

Была середина июня. Все триста тридцать голов дойного стада уже давно были переведены на летний выгон, и каждая корова уже знала, в какой станок ей нужно заходить. На каждую из десяти доярок приходилось два станка для механической дойки и тридцать коров, которых она знала «в лицо». На дойке всегда присутствовал бригадир и электрик, чтобы следить за порядком и исправностью оборудования, учётчик, чтобы считать, кто сколько сдал молока и я – ветеринарный фельдшер. Если у какой-то коровы появлялись проблемы, доярка сначала выдаивала её, а после обращалась ко мне. У меня всегда имелся под рукой необходимый набор инструментов и лекарств.

Мой кабинет располагался в здании конторы. В просторном помещении находился стол со стулом, небольшой диванчик, длинные во всю стену полки с лекарствами и инструментарием и небольшой сейф. В первые же дни я составил подробный список всего недостающего и вместе с главврачом привёз всё, что мне нужно из колхозной ветаптеки. Паньков сразу меня предупредил, что кабинет в моё отсутствие должен быть всегда заперт, так как местные труженики имеют неискоренимую привычку воровать всё что плохо лежит в не зависимости от того нужно им это или нет. А препараты: Эстрофан, кофеин-бензоат натрия, глюкозу в ампулах, спиртовую настойку чемерицы и противогельминтные средства, всегда хранить в закрытом сейфе. Эстрофан воровали местные бабы для прерывания нежелательной беременности, что

может привести к маточному кровотечению со смертельным исходом, кофеин местные мужики для получения пущего кайфа добавляли в чифирь, глюкозу тащила детвора. От неудачной опохмелки спиртовой настойкой чемерицы умер уже не один пастух и скотник в колхозе, но других это ничуть не смущало – всё равно её воровали и пили. А противогельминтными препаратами местные бабы могут гонять глистов не только у скотины, но и у членов семьи, что тоже может кончиться очень печально. Впоследствии мне не раз довелось убедиться в правоте Панькова, и все опасные препараты я всегда хранил с особой тщательностью.

Чтобы я мог в любое время выезжать в Лозную за лекарствами или в случае необходимости на пастбище, мне выделили смирную вороную кобылу Монашку с седлом. Я быстро научился ездить верхом и в свободное время объезжал окрестности, знакомясь с местной природой. Мне нравилось лежать на траве под деревьями и вдыхать сладкий запах трав. Здесь в сосновом лесу терпко пахло смолой, но не звенело в ушах от комаров как на родном севере. Мне нравилось собирать дикую малину и смородину, есть дикие абрикосы и яблоки, которые местные жители считали твёрдыми и не вкусными. Словно вырвавшийся на свободу узник я испытывал неописуемый восторг, когда не спеша ехал на коне по белой, поросшей ковылём степи и вдыхал полной грудью терпкий, пахнущий полынью воздух. Из Надыма я привёз целый чемодан литературы по ветеринарии и часто брал с собой какую-нибудь книгу, находил красивое место и лёжа на траве восполнял свои пробелы в знаниях, которых оказалось гораздо больше, чем мне думалось вначале.

Про цыган, с которыми мне довелось работать и общаться, я расскажу отдельно, а пока скажу только, что на нашей ферме их работало четверо: мой сосед Вовка Шпатов, два его родных брата Мишка и Валерка и Вовкин двоюродный брат Петька Игошин. Вовкины браться жили в соседнем посёлке под названием Рынок, который находился километрах в десяти от фермы, и работали скотниками на откормочной площадке, где так же была ещё небольшая конюшня. «Площадка», так у нас называли это место, находилась на некотором отдалении от основных корпусов и была на ферме как отдельное государство. Всего там работало посменно шесть человек: четыре выше перечисленных цыгана и двое русских – Сергей Дёмушкин и Сергей Лаптев. Все шестеро работали отлично, и редко кто-то из них сильно напивался на работе, хотя под хмельком, конечно, были частенько. Они сами справлялись с большинством проблем в своём отделении. Сами ремонтировали поломанные кормушки, чинили крышу, и даже выполняли часть моей работы. Например, если у их подопечных образовывался абсцесс, они сами определяли, когда его можно вскрывать, потом правильно его вскрывали и лечили. Так же сами они лечили различные травмы копыт. С тимпанией рубца, это когда корову или бычка из-за скопления газов раздувает как шар, они бы тоже справлялись сами, но для этого мне нужно было дать им настой чемерицы, про который я уже упоминал, а этого я сделать никак не мог. Я регулярно пополнял ходовыми и безопасными препаратами аптечку, которая находилась у них в бытовке, но самому лечить на площадке приходилось нечасто. За колхозными лошадьми цыгане смотрели как за своими. Чистили их, купали, когда нужно было, за свой счёт подковывали. Сами чинили сбрую. Денег скотникам за все их дополнительные нагрузки никто, конечно, не доплачивал, но их домашняя скотина кормилась колхозными кормами. Они везли домой с фермы комбикорм, силос, сено, и никто им этого не запрещал. Вообще, про эту систему нужно рассказать отдельно: Во всех донских хозяйствах, которые я знал, все работники кормили свою домашнюю скотину преимущественно казёнными кормами. И корма в хозяйствах всегда заготавливались с таким расчётом, чтобы хватало всем. Разумеется, никому не позволялось тащить больше, чем это было принято. Такие попытки сразу же пресекались. В каждом конкретном хозяйстве эти нормы были разными. Но тащили все без исключения. Это была своего рода доплата за тяжёлый и часто не нормированный труд, который оплачивался несправедливо мало, а переработки и вовсе не оплачивались. Это понимали все и на всех уровнях. С таким же расчётом, нам, колхозным докторам, отпускались лекарственные препараты.

Все знали, что работники фермы, если их домашняя скотина заболеет, не пойдут за помощью в ветеринарную лечебницу, а обратятся к колхозному доктору. Зачем платить лишние деньги, тем более, если их так не хватает. Лечить или не лечить частный скот, это было уже личное решение врача, но как правило, никто никому не отказывал. Естественно доктора полагалось отблагодарить, ведь он тратил на это своё личное время. Благодарили, как правило, не деньгами, а другими способами: Если самогон, масло, яйца, молоко, сметана доктору не нужны, то когда придёт время забоя, ему принесут свежего мяса, или, если хозяин сварщик, то поможет что-то заварить, тракторист выкопать траншею, а кладовщик подкинет бесплатно куб досок с колхозного склада, где так же всегда имелись излишки.

По закону, ветеринарный врач или фельдшер, работающий в колхозе, не имеет права лечить частный скот, потому что есть риск принести в колхозное стадо какую-нибудь инфекцию. Для работы с домашними животными есть ветеринарные станции и лечебницы, куда может обратиться за помощью любое частное лицо. Ближайшая ветеринарная лечебница находилась в тридцати километрах от Тихого в городе Цимлянске. Врачей, фельдшеров, техники там, как и везде, не хватало, выезжать на вызов в частный сектор было некому и не на чем, а за тридцать километров больную корову или лошадь никто не поведёт. Поэтому ветеринарное обслуживание частных хозяйств Тихого и Сосновки легло на мои плечи сразу же, как только я там появился. Деньги за свою работу я брал только у жителей Сосновки, которые не работали в колхозе, да и то немного, а с некоторых совсем ничего не брал. Ну как, в самом деле, брать деньги у бабушки, у которой порезала копыто, или заболела маститом единственная корова-кормилица? Лекарственные препараты для частного сектора, например, для свиней, коз, кроликов, я покупал в районной ветеринарной станции. Я познакомился там со всеми докторами, и они меня с радостью снабжали всем, чем нужно, включая дефицитные препараты, потому что с моим появлением жалобы на их недоступность и бездействие из хуторов и станиц в которых ещё я «шабашил», поступать перестали. Практика была обширная, я быстро набирался опыта и привыкал к деревенской жизни, которая, надо сказать, очень мне нравилась. А спустя месяц, благодаря соседской кошке Муське, ко мне уже обращались за помощью и из более отдалённых станиц и хуторов.

Муська

Мой сосед Вовка Пашинин был на пять лет старше меня. Он был потомственный казак, весёлый, разбитной, шумный, и неисправимый бабник. Никогда я не видел Вовку грустным или чем-то серьёзно озабоченным дольше пяти минут. Он был женат уже третий раз. От первых двух браков у него было двое детей, но остепеняться он, кажется, совсем не собирался, потому что продолжал захаживать на огонёк к бывшим подругам и заводить новых. Его третью жену завали Юлия. Она выросла в Ростове на Дону и совсем недавно стала хуторянкой. Год назад она приехала в Сосновку в гости к подруге и на дискотеке познакомилась с Володей Пашининым. Городская девчонка сразу влюбилась в лихого казака, а через два месяца была уже беременна и вышла за него замуж. Юлька быстро освоилась в сельской местности, и на момент нашего знакомства у них уже было крепкое хозяйство. Они возили на рынок молоко, творог, сметану, масло, кое-чем помогали родители обоих. В общем, не бедствовали.

Как-то вечером, в середине июля, я сидел после работы на лавке возле дома, пил кофе с сигаретой и щурился на заходящее солнце, когда увидел, как во двор Пашининых заехал верхом на лошади Вовка. Наши участки разделял невысокий редкий штакетник, через который было видно всё, что делается во дворе соседа.

— Здорова! — весело помахал рукой Вовка, спрыгивая с вороного жеребца.

Я помахал ему в ответ.

Пашинин расседлал коня, прошёл через калитку ко мне во двор, сел рядом и закурил.

Я посмотрел на уставшее, но весёлое лицо соседа.

— Кофе хочешь?

— Лучше водки! — улыбнулся Вовка, заглянув в мою кружку.

— А что, можно и водки. У меня в погребе есть. И настроение романтическое. Глянь, какой закат красивый!

— Красивый. — согласился Вовка. — Тащи водку, а я за закусью. Батя сало сегодня должен был принести матушкиного посола – вещь!

Через десять минут на широкой лавке между нами стояла бутылка водки, два стакана и большая тарелка на которой лежали широкие куски сала с прослоечкой, солёные огурцы, зелёный лук и чёрный хлеб. Здесь же лежал гостинец переданный мне Юлей – большой кусок сала обёрнутый в двойной слой серой бумаги.

Я налил по полстакана, мы выпили и закусили. Сало действительно было выше всяких похвал.

— Что у нас нового слыхать? — спросил я, закуривая новую сигарету.

Вовка пожал плечами.

— Да нихрена нового. Поможешь завтра Алёне копыта почистить и стрелки подрезать?

Я кивнул.

— Конечно помогу. Я как раз позавчера получил в аптеке новый копытный нож и щипцы.

— Да у меня всё это своё есть, — отмахнулся Вовка, — надо просто Алёну придержать. Ты же знаешь её. Боятся мужики к ней подходить, а к тебе она привыкла. Поможешь?

Вовкина Алёна, - рослая четырехлетняя кобыла гнедой масти, отличалась на редкость строптивым нравом. Всех, кто пытался к ней подойти, она тут же кусала или норовила лягнуть. Меня она видела часто, постепенно привыкла, и я мог уже спокойно её запрячь или оседлать. Кстати, именно мой сосед Володя Пашинин и его отец дядя Коля научили меня ездить верхом, запрягать одноконную телегу, запрягать пару, тройку, и хорошо разбираться в лошадях и упряжи.

— Да конечно помогу, — повторил я, — только давай где-то в это же время. Днём жарко сильно.

— Само собой вечером. Завтра моя смена пасти.

Наш разговор прервала Юля. Она вышла во двор с вёдрами и направилась к колонке, в которой мы набирали воду.

Вдруг, она повернулась к нам и плаксивым голосом обратилась к мужу:

— Вов, ну пожалуйста! Ну спроси!

— Отстань! — раздражённо отмахнулся Вовка. — Иди куда шла.

Юля опустила голову и пошла дальше.

— Случилось что? — спросил я, глядя ей вслед.

Вовка недовольно поморщился.

— Надоела со своей кошкой…

— С какой кошкой?

— Да со своей породистой. Сиамской.

— А что с ней?

Я знал, что у Пашининых дома живёт Юлина любимица сиамская кошка Муська, которую привезли ей родители из Ростова.

— Загуляла зараза, на двор выскочила, коты наши её и оприходовали. Вот теперь второй день разродиться не может. А Юлька меня достаёт, чтобы ты её вылечил.

Я с готовностью поднялся с места.

— Так чего ты молчишь?! Идём, посмотрим!

— Тебе делать что ли больше нечего? — удивлённо воззрился на меня Пашинин. — Сдохнет, закопаю в огороде и всего делов. Котов что ли у нас мало?!

— Идём, кошку смотреть, живодёр! — возмутился я такому равнодушию.

— Вот на кой я тебе только рассказал… — вздохнул Вовка. — Наливай лучше.

Мы выпили ещё по одной, забрали бутылку с закуской и пошли в дом к Пашининым.

Муська лежала в большой картонной коробке на сшитой из одеяла подстилке. Живот у кошки был большой, раздутый. Увидев нас, Муська жалобно замяукала, прося о помощи. Я осмотрел животину. Ей срочно нужно было делать кесарево сечение.

В это время в дом вошла Юля. Увидев, что мы делаем, она быстро поставила вёдра с водой и подбежала к нам.

— Серёжа, помоги, пожалуйста! — со слезами обратилась она ко мне, — Умрёт же моя Мусенька! Спаси её! Пожалуйста!

— Ну, вот что, — обратился я к главе семейства, — сейчас я принесу инструмент и будем делать операцию.

— Ты охренел?! — возмутился Вовка, — какую ещё операцию?! Прямо здесь что ли?! Сейчас?!

— Здесь и сейчас. А ты будешь мне ассистировать. Нужно спасать животину. И срочно. Это не сложно. Мы справимся.

— Да твою ж….. — разразился Вовка матерными ругательствами. — Сидели, отдыхали как люди, дёрнул меня чёрт…

— Вова, миленький, ну пожалуйста… — разревелась Юля, схватив мужа за руку.

— Ладно, чёрт с тобой. — обречённо вздохнул Вовка и посмотрел на меня. — Чё делать-то?

Я распорядился освободить стол, тщательно проутюжить чистые простыни, приготовить верёвки, настольную лампу, выбрить Муське шерсть на животе и вскипятить воду.

— Всё сделаю, Серёжа, всё сделаю! — со слезами, но уже радостными воскликнула Юля. Вовка только махнул рукой, мол, – делайте что хотите…

Пока у Пашининых шли приготовления, я сходил в контору и принёс из кабинета всё необходимое. В техникуме хирургия была моим любимым предметом. Кесарево сечение, паховые и пупочные грыжи, ампутации, я умел делать очень хорошо. Под руководством нашего

преподавателя хирургии Бориса Фёдоровича Свиридова мы много оперировали и в успехе операции я не сомневался.

Пока в электрическом стерилизаторе кипятились инструменты, а Юля под моим чутким руководством готовила «операционную», мы с соседом ещё выпили и закусили.

Когда всё было приготовлено, я усыпил Муську эфирным наркозом, зафиксировал на столе верёвками и операция началась.

Увидев нас с Вовкой в халатах, масках, с повязанными на головах платками, Юлька тихо прыснула, прикрыв руками лицо, села в дальний угол и тихо просидела там до конца.

Закончив операцию, во время которой Пашинин как настоящий ассистент расторопно и толково мне помогал, мы уложили Муську в коробку. Котят было трое и все крупные. Они были уже мертвы, но за жизнь кошки можно было не беспокоиться.

— Ну-ка, мать, сгоноши нам скорее поужинать! И самогон неси! — скомандовал Вовка, снимая перчатки. — Прибираться после будешь.

— Сейчас, сейчас! — суетилась довольная Юлька, всё поглядывая на свою любимицу.

Когда мы привели себя в порядок и собрали и помыли инструмент, на столе уже стояла большая сковорода горячей картошки с бараниной, квашеная капуста и прочее…

Разливая по стаканам самогон, Вовка покосился на хлопочущую в комнате жену и тихо спросил:

— Как думаешь, выживет?

— Можешь не сомневаться. — уверено кивнул я. — Поделаем укольчики несколько дней и будет как новенькая!

— А и сдохнет не велика потеря. — отмахнулся Вовка и поднял стакан. — Ну, давай за нас – хирургов!

В первый же базарный день про эту операцию на дому узнала вся округа. К Пашининым заходили посмотреть на выздоравливающую Муську, а меня изрядно утомили расспросами. К чудо-доктору стали приезжать за помощью не только из Сосновки, но и из других станиц и хуторов, хоть в районе имелось достаточно врачей гораздо опытней меня. Я тогда жил один, свободного времени было достаточно, и с удовольствием ездил на вызовы, знакомясь с людьми, их образом жизни и бытом, который мне, выросшему на Крайнем Севере, был чрезвычайно интересен.

Баба Тамара

Моими самыми беспокойными соседями, которые жили через стенку, были баба Тамара, её тридцатилетняя умственно отсталая дочь Галя и умственно отсталый шестилетний внук Мишка. Баба Тамара была низенького роста, худая, сгорбленная, с лицом цветом и фактурой похожим на древесную кору. Ей было хорошо за семьдесят. Всю жизнь она прожила в Тихом, с молодости крепко дружила с зелёным змием и, когда не лечилась в ЛТП[2] или не сидела в тюрьме за тунеядство, работала на ферме дояркой. Здоровье у неё, не смотря на возраст и алкоголизм, было отменное. Не раз и не два она засыпала в сильно нетрезвом виде зимой на улице, но, ни разу после этого не болела. Она вообще ничем не болела. Как-то раз она уснула на автобусной остановке в Сосновке, и чтобы её оттуда транспортировать, пришлось обрезать ножом её вмёрзшие в лёд волосы. А ей хоть бы что. Даже насморк не подхватила! Часто, особенно в церковные праздники, её можно было увидеть на кладбище в Сосновке, где она собирала с могил оставленные там сладости, и где ей иногда наливали помянуть усопших.

Дочь бабы Тамары Галя была дебелой бабищей с тёмным опухшим лицом хронической алкоголички и висящими до пупа огромными грудями. Она родилась с психическими отклонениями и своего отца, так же как и отца своего ребёнка, не знала. Галя плохо говорила, не всегда всё понимала, но была не буйная. Я часто слышал через стенку как она ругается и дерётся с матерью из-за выпивки, но к другим людям агрессию не проявляла. Её больной сын Мишка, не смотря на кошмарные условия, в которых он жил, был мальчишка спокойный и добрый. Только мать и бабка могли разобрать его речь, остальные общались с ним жестами. Если он был голоден и дома ничего съестного не было, он шёл в любой дом и хуторяне кормили его, а также отдавали старые игрушки и вещи из которых выросли их дети. Частенько он приходил с банкой на ферму и ему наливали молоко. Чаще всего я видел Мишку играющим у них во дворе под абрикосами или наблюдающим за игрой других детей. Местные ребятишки его возраста редко брали его в свои игры, но ребята постарше охотно брали его с собой на рыбалку и делились с ним уловом.

Кроме Гали и Мишки другой родни у бабы Тамары не было. Мне рассказывали, что у неё был сын, но он пошёл по кривой дорожке, сел в тюрьму за кражу и больше оттуда не вернулся. Все в округе знали про их неблагополучную семью, но, ни разу я не видел, чтобы к ним приходил участковый или представители органов опеки.

Больше всего жители нашего дома боялись приступов белой горячки у бабы Тамары, во время которой она могла натворить что угодно. В самую первую ночь на новом месте, я до рассвета слушал, как бабка громко разговаривает и ругается с кем-то по телефону, а когда утром я спросил у бригадира Николая Митрофановича кто и зачем провёл телефонную линию моим весёлым соседям, выяснилось, что телефона у них никогда не было, но баба Тамара регулярно общается по воображаемому телефону во время приступов «белочки». Иногда она гоняла по двору воображаемых женихов дочери, чтобы та не родила ещё одного дурака. В общем, скучать с ними не приходилось.

К августу месяцу мой быт более-менее наладился. Я обжился в доме и соорудил себе во дворе летний душ, но мне, городскому человеку, не давала покоя мысль, что зимой мне придётся греть воду на печке и мыться в корыте. Да и посуду мыть в тазике мне тоже категорически не нравилось. Для начала, я решил провести в дом воду и выкопать сливную яму, благо ассенизаторских машин в колхозе было достаточно и всегда можно яму откачать, а на следующий год я запланировал пристроить к дому из самана помещение и сделать в нём ванную комнату

[2] ЛТП — лечебно-трудовой профилакторий. В СССР вид лечебно-исправительного учреждения, предназначенного для тех, кто по решению суда направлялся на принудительное лечение от наркомании и алкоголизма.

с туалетом. Выходить каждый раз по нужде на улицу мне тоже не нравилось. Провести в дом воду оказалось делом не сложным. Василий, тракторист с нашей фермы, прокопал мне от дома до колонки траншею, Павел Дорохов, сварщик из нашего хутора, помог мне найти по дешёвке хорошие трубы и сварил их. За пару дней я прорыл траншею под фундаментом, чтобы завести водопроводную и канализационную трубы в дом. Самым сложным делом оказалось выкопать сливную яму. Василий смог углубиться трактором только на два метра в песок, а дальше шла похожая на камень бурая глина с белыми кристаллическими вкраплениями, которую местные называли «белоглазка». Приходилось заливать яму на ночь водой и на следующий день ковырять размокшую глину. Каждый день моя яма углублялась не больше чем на штык, но я упорно продолжал копать. К концу августа у меня получился септик шириной полтора и глубиной четыре метра. Зарплату в колхозе к тому времени уже задерживали, и мне пока не хватало денег, чтобы купить бетонные кольца и завершить это строительство.

В самом конце августа на несколько дней зарядили дожди. Асфальтированными были у нас только дорога из Сосновки в Тихий и ещё площадки и дорожки на ферме. К летнему загону вела грунтовка, которая от дождей раскисла и ходить по ней можно было только в резиновых или кирзовых сапогах.

В то день я как обычно поднялся в четыре утра, выпил кофе и, надев кирзовые сапоги и плащ, вышел из дома. Небо было затянуто тучами, монотонно моросил мелкий противный дождь. Проходя по двору мимо выкопанной ямы, я вдруг услышал какие-то непонятные звуки.

— Эй! Кто там?! — послышался рядом чей-то голос.

Я оглянулся, но вокруг никого не было.

— Кто там есть?! — снова услышал я тот же голос.

Я подошёл к краю ямы и посмотрел вниз. Там на дне копошилось что-то живое тёмно-бурого цвета.

— А! Появился! Чтоб ты сдох! — раздалось со дна ямы, и я узнал голос бабы Тамары.

Я нагнулся и увидел, что это действительно была она. С ног до головы она была вымазанная глиной и стояла по щиколотку в бурой воде.

— Чего вылупился ……. — дальше последовал длинный ряд непечатных выражений, — Лестницу тащи! Из-за тебя всю ночь тут просидела!

Я быстро побежал за лестницей, которую сделал сам из крепких жердей акации.

— Ты как там оказалась? — спросил я, осторожно спуская лестницу вниз.

— Я по своим делам шла! А ты накопал тут ….. — зло выдала бабка новую партию непечатных выражения. — Руку дай!

Я помог ей выбраться на поверхность.

— Ты же знаешь что здесь яма… — начал я ей было объяснять, но рассмотрев её вблизи не выдержал и расхохотался. Вид у бабы Тамары был такой, что словами не передать! Вся одежда и волосы у неё были сплошь покрыты густой вязкой глиной, а из-под глиняной маски на меня зло таращились два глаза мутно-голубого цвета.

В это время из дома вышел мой сосед Вовка Пашинин. Сегодня была его смена пасти скот. Удивлённо уставившись на нас, он быстро понял, что произошло и громко расхохотался.

— Они ещё ржут как два мерина! — возмутилась баба Тамара. — Чтоб вас обоих посерёдке скрутило! Бабка чуть не убилась, а им весело!

— Так это же мой двор… — снова попытался я оправдаться, но бабка меня перебила:

— Я тут ходила и буду ходить! А свою яму закопай, ни то пожалуюсь председателю!

— Вот прям так и иди к нему! — снова рассмеялся Вовка.

Кроя нас отборным матом, бабка поковыляла в сторону речки.

— Ну и сильный у неё ангел-хранитель... — покачал головой Пашинин, глядя ей вслед. — И как только голову себе не свернула. Ведь четыре метра летела! Ну, ничего, в кои веки помоется да одежду свою постирает.

В тот же день я накрыл яму досками, чтобы больше в неё никто не упал, а баба Тамара как ходила через мой двор, так и продолжала ходить.

Спустя три года баба Тамара умерла. Сгорела от водки. Жители Тихого собрали деньги и похоронили её на кладбище в Сосновке. Галю с Мишкой увезли на скорой и после обследования поместили в Зверевский Психоневрологический интернат. Их жилплощадь отдали Шпатовым у которых к тому времени родился третий ребёнок.

Витька Зелёный и дед Кудряш

Неподалёку от нашего дома, так же особняком у самой речки стоял старый саманный дом на два хозяина. В одной его половине проживал наш скотник Витька Зеленов с женой Ириной, сыном двенадцати лет и пятнадцатилетней дочерью. В другой наш тракторист Валерка Кудряшов – молодой парень лет двадцати пяти, со старым отцом Матвеем Семёновичем, которого все звали - дед Кудряш.

Зеленовы лет пятнадцать назад переехали в Ростовскую область из Воронежа. Витька Зеленов, по прозвищу Зелёный, по профессии был водителем со всеми категориями и поначалу работал в колхозе на молоковозе. Выпивал он редко, но метко. Например, с молоковоза его сняли, после того как однажды утром его ЗИЛ нашли врезавшимся в большую скирду колхозного сена. Он, вопреки законам физики, каким-то образом перелетел на своей машине через широченную траншею, отделявшую скирду от дороги, а между кабиной и бочкой застрял большой кусок шлагбаума. Витька же безмятежно спал на водительском сидении. Как он перенёсся через траншею и откуда взялся этот кусок шлагбаума, так и осталось загадкой, но машину Витьке больше не доверяли. Потом он некоторое время работал на тракторе, пока отметив свой день рождения, не утопил его в реке Кумшак. Последние годы он работал скотником или пастухом, и его редкие но меткие загулы особенного ущерба не наносили. Отличительной чертой Зелёного была любовь к чтению. Книги из экономии он не покупал, но к моему появлению прочёл всю литературу у всех знакомых в Тихом и Сосновке. Первый его вопрос после нашего знакомства был: — «Есть что-нибудь почитать?». У него была превосходная память, он был эрудирован, и с ним можно было говорить на любые темы. Он мог бы получить любую профессию, но, по его словам, не хотел тратить время на просиживание штанов в институте. Зеленовы жили не богато, но денег на основные нужды им вполне хватало. Ирина работала дояркой, у них было неплохое хозяйство, но при этом Витька ловил черепах и ежей, варил из них себе суп и с удовольствием его ел. Его семья вкусы главы семейства не разделяла и никогда не употребляла приготовленных им «деликатесов».

Валерка Кудряшов был отличным трактористом, выпивал очень редко и совсем не много. Когда мы с ним познакомились, он был целиком и полностью поглощён поисками жены. На одной колхозной зарплате, которую к тому же стали задерживать, хорошо не заживёшь, и Валерка, как и все, держал большое хозяйство, но одному со всем справляться было трудно. Он держал двух коров, делал масло и отдавал его на реализацию жене Володи Пашинина Юле, которая продавала его на рынке со своим товаром. Помимо коров и кур, у него было десятка два свиней, которых он продавал живым весом, и какие-никакие деньги у него водились. Но девушки, которые были готовы за него пойти, ему не нравились, а те, кто ему нравился, за него не шли. С этой проблемой Валерка боролся всерьёз. Он не был застенчивым парнем и активно знакомился с девушками, но когда те узнавали, где и с кем он живёт, прекращали общение. Его мать умерла когда ему было лет восемнадцать, а от отца всегда было больше проблем чем помощи. У Валерки были где-то ещё старшие брат и сестра, но я ни разу их не видел.

Валеркин отец дед Кудряш из своих шестидесяти трёх лет, двадцать шесть просидел в тюрьме. Он отбыл в местах заключения пять или шесть сроков преимущественно за кражи и хулиганство. Последний раз его арестовали в день возвращения домой после очередной отсидки. Едва вернувшись, он поссорился с женой и ударил её поленом по голове, отчего та попала в больницу. Матвей Семёнович освободился года два назад и пока что жил относительно спокойно. Худой, сгорбленный, с пышной седой шевелюрой и густой седой бородищей он выглядел на все девяносто. Речь его была быстрой, словно он говорил скороговорки, голос хриплый, а зубов совсем не было, отчего понимать его с непривычки было очень трудно. Он был хорошим плотником, и когда наступало время делать прививки или брать на анализ кровь

у крупнорогатого скота, я всегда обращался к деду Кудряшу за помощью. Никто лучше него не мог сколотить правильный по всем параметрам и крепкий раскол[3] для скота. Ещё уникальной способностью Матвея Семёновича было его мастерство копать ямы. Если нужно было поздним вечером пройти к реке мимо их дома, следовало всегда очень внимательно смотреть себе под ноги. Там, где ещё вчера ты проходил беспрепятственно, сегодня можно было упасть в большую и глубокую яму. У реки грунт преимущественно был песчаный, копался легко, но и от дождей осыпался тоже легко. Дело в том, что дед Кудряш разводил кроликов и делал это самым простым способом: он выкапывал большую круглую яму, делал там какие-то перегородки из подручных материалов, накидывал туда тюки с сеном и соломой и запускал кролей. Те делали там себе норы, замечательно плодились, никогда не дохли и ничем не болели. Дед закидывал в яму свежую траву, овощи и когда приходило время, спускался и ловил столько, сколько ему было нужно. Кроличье мясо он продавал и менял на самогон. Иногда свои ямы он накрывал кусками шифера, но чаще всего совсем не накрывал. Когда яма сильно осыпалась, он за день выкапывал новую, я старую засыпал. Скотина и люди не раз попадались в «ловушки» деда Кудряша, но его это не очень беспокоило.

Однажды осенью на несколько дней зарядили сильные ливни. Кроликов тогда у Матвея Семёновича в двух ямах развелось огромное количество, и он как раз собирался их оптом продать какому-то покупателю из Цимлянска. Но от скверной погоды он впал уныние и запил. Ямы от дождей осыпались, всё кроличье поголовье, какое не засыпало, вырвалось на свободу и разбрелось по хутору. На каждой утренней и вечерней дойке хуторяне костерили деда Кудряша на чём свет стоит, а кролей ловили и с удовольствием ели. Как-то в очередной раз перед работой, слушая причитания доярок по поводу кроличьих бесчинств в огородах, я пристыдил их: — «Две недели едите мясо, которое вырастил старик, а сами ругаете его последними словами. Хоть кто-то из вас отнёс пойманных кролей Кудряшу и потребовал компенсацию за погрызенную капусту или морковку?». Все сразу заткнулись и больше эту тему при мне не поднимали.

Через шестнадцать лет Витька Зелёнов вместе с женой Ириной угорели насмерть в своём доме. Зима в тот год выдалась холодной, угля на обогрев уходило много, приходилось экономить. Кто-то из них, видимо, чтобы не выпускать драгоценное тепло, раньше времени закрыл печную заслонку. Их сын и дочь тогда жили в Волгодонске. После смерти родителей, их дочь Валентина переехала с мужем в родительский дом, где и живёт по сей день. Сын Зеленовых Славка живет и работает в Волгодонске. Валерка Кудряшов живёт там же. Он наконец-то нашёл себе жену, у них сейчас двое детей. Дед Кудряш спокойно дожил свой век на свободе и ещё успел понянчиться с внуками.

[3] Раскол — прогонный коридор для фиксации скота с целью проведения ветеринарных манипуляций.

Пашинины

Родителей Вовки Пашинина звали Николай Николаевич и Анна Григорьевна. Я их называл просто тётя Аня и дядя Коля. Кроме Вовки у них ещё была дочь, которая вышла замуж за военного и давно уехала на Дальний Восток. Связь они поддерживали, но дочь уже много лет не навещала родственников. Старые Пашинины жили в большом саманном доме, который построил дядя Коля лет тридцать назад. В Тихий они переехали из Сосновки. Дядя Коля был потомственным казаком и гордился своими предками, которых знал до пятого или шестого колена. Тётя Аня тоже была из старинной казачьей семьи. Они были уже на пенсии, занимались домашним хозяйством и нянчились с внуками от всех трёх Вовкиных жён. Как у настоящего казака, у дяди Коли во всём был порядок. Дом и летняя кухня всегда идеально выбелены, сараи и загоны для скота сделаны крепко, добротно и всегда вычищены, комбикорм для скота, дрова, уголь, сено, всегда запасено с избытком. Дядя Коля очень любил лошадей и разбирался в них лучше многих наших цыган. Число лошадей в его хозяйстве колебалось, приблизительно, от трёх до шести. Одних он продавал, других покупал, выводил жеребят, улучшая породу, иногда сам объезжал молодых. Несмотря на возраст, много ездил верхом, хотя имел в своём «автопарке» две телеги, сани и двуколку. Сбрую для своих нужд и на продажу дядя Коля изготавливал сам и постоянно ругал «безруких шорников», делавших продававшуюся в магазинах упряжь. Если кто-то покупал в магазине новый хомут или седло, то сразу нёс его Пашинину и тот доводил покупку до ума. Он где-то находил разные виды кож, и изготавливал из них вожжи, уздечки, недоуздки, потники и нарытники. Кнуты, которые плёл дядя Коля, славились по всей округе и у всех пастухов были кнуты именно его изготовления. У него была небольшая кузница, в которой он сам ковал удила и мундштуки для уздечек, а также некоторую хозяйственную утварь. Но подковы и ухнали[4] для лошадей старый всегда заказывал у цыгана Мишки – лучшего кузнеца в округе, а подковывал лошадей сам. Всему что умел делать сам, дядя Коля научил и сына. Вовка ремонтировал сёдла и хомуты, но пока был жив отец, редко занимался изготовлением сбруи. Когда колхоз мне выделил лошадь и седло, Вовка привёл в порядок седло, а дядя Коля сплёл мне хорошую уздечку и хлыст. Они же и научили меня ездить верхом по-казачьи, - управляя конём одной рукой. У них я купил и свою первую лошадь Змейку – пятилетнюю гнедую кобылу со звёздочкой на лбу, шикарной белой гривой и белыми венчиками на ногах.

Дядю Колю любили и уважали все, но в большие праздники, когда весь хутор собирался на берегу реки жарить шашлыки из свинины и баранины и варить шулюм, старого Пашинина не подпускали к приготовлению чего бы то ни было на пушечный выстрел. Потому что старый приносил с собой мешочек со жгучим перцем и норовил всё поперчить «для вкусу». Когда дядя Коля по случаю какого-нибудь события приглашал в свой дом гостей, к нему шли с большой неохотой, потому что всё изобилие, которое стояло на столе, простому человеку есть было никак невозможно. Пашинин сам выращивал в огороде острый перец и совал его чуть не во все блюда. Бог знает, где он брал эти семена, но злее перца я в жизни не пробовал. Только несколько человек из Тихого и Сосновки могли есть угощения дяди Коли. На праздниках же бабы тряпками гнали его от стола и казана с шулюмом.

Характер у старого казака был боевой. Лет за десять до моего появления в хуторе, в Тихом жили двое братьев по фамилии Морозовы. Оба были первые скандалисты и дебоширы на всю округу. Оба были женаты и жёны их тоже не отличались спокойным характером. Както во время общего праздника на природе, братья Морозовы, уже в изрядном подпитии, стали нехорошо подшучивать над дядей Колей, а когда тот стал им жёстко отвечать, прилюдно

[4] Ухналь — специальный плоский гвоздь для прикрепления подков к копытам.

избили его до бессознательного состояния. Придя в себя, дядя Коля взял большой нож, которым разделывали баранов и на месте зарезал обидчиков. Дело было громкое, за Пашинина вступилось много народа, люди коллективно писали письма во все инстанции, и в итоге, дяде Коле дали восемь лет вместо запрашиваемых прокурором пятнадцати. Семьи Морозовых на общем собрании было решено выселить из хутора, и они, собрав пожитки и оставив дома, уехали. Иначе бы их просто пожгли.

Вовкина мать тётя Аня была типичной казачкой. Послушная мужу, со спокойным характером, она умела делать по хозяйству всё, в том числе и мужскую работу, но если дядя Коля во хмелю начинал слишком много командовать, могла погонять его черенком от лопаты вокруг дома. Когда-то она работала в колхозе дояркой и много раз была награждена грамотами за отличную работу. На таких женщинах как тётя Аня держались все крепкие колхозы и совхозы и благодаря таким женщинам, на износ работающим в тылу, мы выиграли Великую Отечественную Войну.

Дядя Коля Пашинин из-за своего пристрастия к острой пище умер от сердечного приступа в две тысячи первом, а тётя Аня пережила мужа всего на три года. Вовка с семьёй переехали в дом родителей, где живут и здравствуют до сих пор.

Бирюки

Телятником у нас на ферме заведовали Гришка и Валька по фамилии – Бирюк. Гришка в полном соответствии со своей фамилией был мужик угрюмый, нелюдимый, всегда всем и всеми недовольный. Роста он был среднего, но настолько крепкий и широкий в плечах, что еле проходил в стандартный дверной проём. Ему ещё не было тридцати, но из-за грязной нечесаной рыжей шевелюры и густой бородищи выглядел на все пятьдесят. Он бы без всякого грима мог с успехом сниматься в фильмах про викингов. Сколько я его помню, зимой на нём всегда был один и тот же никогда не стиравшийся толстый свитер ручной вязки, а летом так же никогда не стиравшаяся рубашка в красную клетку. Не знаю, купался ли он вообще когда-нибудь, но от него всегда остро пахло потом и навозом, а зубы были коричневые от папирос и чифиря, который он постоянно употреблял. Его жена Валька была старше его на двадцать лет и была под стать мужу: Такая же вечно угрюмая, всем недовольная, со спутанными грязными волосами и грязном халате. Пахло от неё ещё хуже чем от мужа. Валька была родом из этих мест и до Гришкиного появления жила старой девой вдвоём с матерью. Потом из Волгоградской области приехала бригада шабашников строить новые корпуса коровников, и Гришка был в их числе. Тогда они и нашли друг друга. Детей у них не было. С ними в доме жила только Валькина мать по прозвищу Барчиха – сварливая неопрятная бабка неопределённого возраста, но в хорошей физической форме. Она часто помогала дочке с зятем на ферме. Они держали кур, дойных коров, несколько свиней и бычков на мясо, но даже Сосновские, кто не держал хозяйства, никогда не покупали у них ни яйца, ни масло, ни молоко со сметаной. Свою сомнительного качества продукцию они продавали только на рынке.

По штату в телятнике должно быть четыре человека, но с Бирюками никто не хотел работать, да и им никто не был нужен. Вдвоём они вполне справлялись со всей работой, а иногда им помогала Валькина мать.

С Бирюками я поскандалил в первый же рабочий день. В летний период днём на ферме людей мало, основная работа в летнем загоне во время дойки утром и вечером. Я взял блокнот и стал обходить ферму, составляя план на задуманный мной субботник. Много где нужно было убрать паутину, помыть, почистить, побелить. Когда очередь дошла до телятника, у входа дорогу мне преградили пять или шесть здоровенных псов. Я взял палку и попытался их прогнать, но сам еле отбился от разъярённой своры. Вечером, когда пришло время кормить телят, мне удалось пройти в помещение с Валькой и Гришкой. Там требовалась очень тщательная уборка, а ещё я увидел, сколько молока они выливают собакам, недодавая норму телятам. Я распорядился завтра же убрать всех собак, на что получил отказ в грубой матерной форме. Мне категорически заявили, что в телятнике в отсутствие «хозяев» мне делать нечего и что они без моих соплей знают как и что нужно делать. Я пошёл к бригадиру и потребовал навести в телятнике порядок. Дуб на моё требование смущённо покряхтел, повздыхал, и сказал, что он уже не раз пытался это сделать, но у него ничего не получается. Бирюки категорически отказываются убирать собак, а Гришка даже как-то грозил ему обрезом, обещая пристрелить, если он будет лезть в их дела и мешать им спокойно работать. И вообще с Бирюками лучше не связываться.

На следующее утро я позвонил главврачу Панькову и мы разработали план действий. Через два дня приехали машина со специальной бригадой, которую я встретил на месте и показал объем работ. Минут через двадцать машина уехала и увезла с собой всех собак. Когда вечером Бирюки пришли на работу и узнали что произошло, Валька кинулась на меня как дикая кошка и попыталась расцарапать мне лицо. Её муж Гришка и учётчица Нина Семёновна её кое-как оттащили, а Гришка пригрозил отомстить мне за то что я сделал. Тогда я пообещал написать на них заявление в милицию и уволить их обоих к чёртовой матери. А потом про-

следить, чтобы больше ни в один колхоз или совхоз в нашем районе их не взяли на работу. В тот же день поздно вечером Гришка пришёл ко мне с бутылкой самогона выпить мировую. Пить я с ним не стал, сославшись на занятость, но подробно разъяснил роль ветеринарного врача на ферме, мои и его права и обязанности. Мы договорились, что будем работать как это положено, и больше не будем конфликтовать. Мы пожали друг другу руки и разошлись миром.

После того случая, а может быть благодаря ему, рабочие на ферме очень редко оспаривали мои распоряжения. А я никогда и не требовал лишнего. Вообще с ветеринарами старались не ссориться, у всех имелось какое-то хозяйство и рано или поздно к доктору всё равно придётся обратиться. Много раз потом лечил я у Бирюков скот, кастрировал поросят, и мы действительно работали как это положено. Только старая Барчиха пару раз кидалась в меня корзинами, когда я заставлял её сыпать больше опилок в клетки телятам, чтобы малыши спали на тёплой толстой подстилке. Очень не нравилось ей потом убирать тяжёлые отсыревшие опилки. За то телята у нас почти не болели респираторными заболеваниями.

Гришка Бирюк из-за многолетнего пристрастия к чифирю умер в девяносто девятом от острой сердечной недостаточности. Через пару лет после него умерла старая Барчиха. Валька продала дом, всё хозяйство и уехала к родственникам на Кубань.

Рыжий и Сонька

Первым хозяйством я обзавёлся спустя пару месяцев после моего приезда в Тихий. Както ко мне пришла наша доярка Нина Сомова и попросила обработать от глистов её домашних поросят. А спустя пару дней принесла мне в благодарность живую молодую утку.

— И что мне с ней делать? — спросил я.

— Пора тебе, доктор, обзаводиться хозяйством. — ответила Нина и, ещё раз поблагодарив за помощь, ушла.

Участок мой был хорошо огорожен, и я, не зная как поступить с таким подарком, просто выпустил её гулять по двору. Вечером я взял на ферме большой пакет комбикорма и соорудил для утки корыто, чтобы наливать в него воду. Свою первую питомицу я назвал Сонька.

Примерно в то же самое время моему соседу цыгану Володе Шпатову его родственники привезли в подарок щенка волкодава. Когда Вовка похвастался мне своим подарком, я осмотрел крепкого рыжего щенка с виду ничем не отличавшегося от обыкновенной крупной дворняги, и спросил, почему его называют волкодавом. Сосед не нашёлся, что мне ответить, и, немного подумав, сказал, что раз родня говорит, что это волкодав, значит, волкодав и есть. И не важно, что в округе на сотни вёрст давно уже не сыскать ни одного волка.

Спустя пару недель, я как обычно вышел из дома на утреннюю дойку и вдруг услышал неподалёку странные звуки. Где-то скулил щенок. Я обошёл двор соседа Пашинина и увидел в зарослях травы у дороги жалобно скулящего щенка. С трудом я узнал в покрытом коростами истощённом и умирающем существе Вовкиного волкодава. Только благодаря рыжей шёрстке и крупной мордочке я понял, что это именно он. Я вытащил из мокрой от росы травы несчастное животное, занёс его к себе в дом и отправился на работу.

Увидев Вовку цыгана у летнего выгона, я спросил, почему его волкодав сдыхает в траве.

— Да запаршивел зараза и никак не выздоравливает. Скулит постоянно, а прибить жалко. — ответил сосед.

— А ко мне времени нет обратиться?! — чуть не закричал я, разозлившись на него. — Зачем животину мучаешь?!

— Да чё ты шумишь? — искренне удивился цыган, — Думал сам вычухается, а он никак. Вечером снесу на реку да утоплю. Не кричи ты!

Я высказал цыгану в самых крепких выражениях что я думаю по этому поводу и принялся за работу.

Вернувшись домой после дойки, я нагрел ведро воды, отмыл бедолагу от струпьев лишая, убрал с него всех блох и кое-как покормил.

Спустя месяц, благодаря витаминам, мазям, антигельминтным препаратам, хорошему уходу и питанию, Рыжий, – так я его назвал, уже бодро бегал по дому и быстро набирал вес. Когда теперь уже мой волкодав подрос, я сделал ему во дворе хорошую просторную будку и переселил туда.

Рыжий и Сонька быстро подружились. Я со смехом наблюдал, как они гоняются друг за другом по двору и устраивают забавные свары. То Сонька больно щипала Рыжего клювом за нос и уши, и тот с визгом убегал, то щенок с рычанием нападал на противницу, выдирая ей перья, и та с громким кряканьем улепётывала от него. Скоро они вместе спали в собачьей будке, а обнаглевшая утка, бывало, ещё и не пускала Рыжего в его собственное жилище.

Я привозил с нашей колхозной бойни обрезки мяса и варил волкодаву кашу, молоко в доме было всегда, и мой питомец рос как на дрожжах. С кормом для Соньки тоже проблем не было. Все хуторяне, а особенно соседи, немало потешались над моим хозяйством, и говорили, что меня нужно срочно женить.

Скоро мы вместе с Рыжим ходили на работу, а когда я ездил верхом в Лозную или просто гулял в заказнике, он сопровождал меня, бодро труся рядом.

Когда наступила зима и дойное стадо перевели в зимние корпуса, с Рыжим начались проблемы. Он по-прежнему сопровождал меня на работу, но в зимних корпусах коровы стояли в ряд в стойлах, и доярка переходила от одной коровы к другой. Молокопровода в зимних корпусах не было, и молоко из бачка доильного аппарата процеживалось в ведро, а после переливалось в общую ёмкость. Рыжий выбирал момент, когда рядом с ведром никого не было, сдирал зубами цедильную марлю, и быстро хлебал широким как детская лопатка языком. Когда доярки обнаруживали вора и бежали с тяпкой чтобы прогнать паразита, он начинал лихорадочно хватать молоко всей пастью, и только в самый последний момент срывался с места и быстро удирал. К зиме он уже был ростом с овчарку и многие его боялись.

Выслушав от доярок справедливые претензии в матерной форме и несколько раз заплатив за испорченное Рыжим молоко, я посадил его во дворе на цепь. Привыкший бегать вольно, он два дня не давал спать соседям своим воем, но постепенно привык, и после, я отвязывал его только когда ездил прогуляться по заказнику или по работе в Лозную.

Сонька по-прежнему была Рыжему лучшим другом и продолжала спать в его будке, греясь зимой о большое тёплое тело волкодава.

Гриня

Когда в колхозе наступало время сезонных ветеринарных мероприятий, мы, ветеринарный персонал, всегда помогали друг другу. Если у меня на ферме брали кровь, все врачи и фельдшера приезжали ко мне и быстро отрабатывали стадо. Если наступало время кастрации поросят, или забора крови у овец, все ехали туда и вместе делали всю работу. Разумеется, после каждого такого мероприятия мы садились за стол и хорошо отмечали это дело.

На двух наших колхозных свинофермах, в тысячу голов каждая, ветфельдшером работал Сашка Гринёв по прозвищу Гриня. К докторам в колхозе всегда относились с уважением, и ни у кого из нас не было прозвища кроме него. И прозвище это ему дали его же свинарки. Я устроился на работу весной, а на свинарники впервые попал только осенью, хотя с Гринёвым мы познакомились в первые же дни моей работы и после несколько раз встречались на собраниях и в ветаптеке. Это был крепкий рослый казак, лет тридцати пяти, весёлый и разбитной.

В первый год моей работы, в первых числах октября, мне позвонил главврач Паньков и сообщил, что завтра после обеда заедет за мной, и мы поедем на свинарник помогать Саше Гринёву кастрировать поросят.

На следующий день Николай Михайлович забрал меня из дома, и мы поехали.

После сентябрьского похолодания наступило настоящее бабье лето, и я, человек, выросший на Ямале, никак не мог привыкнуть к тридцатиградусной жаре в октябре месяце. Мы ехали в Лозную через заказник с открытыми окнами, и я с замиранием сердца вдыхал пряный воздух увядающих, нагретых солнцем трав и любовался осенним лесом, окрашенным в бордовое, жёлтое, красное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.